

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/34/35

Д.Г. Миронов

ОПРОВЕРЖЕНИЕ «ИДЕАЛИЗМА» ЭРНСТОМ МАЛЛИ

Анализируется аргумент Эрнста Малли, призванный в несколько шагов опровергнуть «теоретико-познавательный идеализм». Выявляются основания, по которым в рамках теории предметов возникает аргумент Малли. Проясняются эпистемологические предпосылки философских исследований в школе А. Мейнонга. Оценивается значение аргумента для развития теории предметов как Малли, так и Мейнонга.

Ключевые слова: Эрнст Малли, Алексис Мейнонг, идеализм, теория предметов, эпистемология.

В малоизученной статье Эрнста Малли, австрийского философа и логика, ученика Алексиса Мейнонга, «О независимости предметов от мышления», опубликованной в 155 томе «Журнала философии и философской критики» (1914 год), мы находим крайне любопытное рассуждение, главная задача которого – проанализировать основные положения «теоретико-познавательного идеализма». Согласно Малли, «теоретико-познавательный идеализм» есть эпистемологическая позиция, которая предполагает, что: 1) слово «предмет» эквивалентно выражению «то, что постигается <мыслью> как <этой мыслью> постигнутое», 2) каждый предмет постижим, 3) бытие тождественно бытию постигнутым [1. С. 37]. Этой позиции противопоставляется позиция самого Малли или, более широко, всей школы Мейнонга – такая эпистемологическая установка, которая может пониматься как «реализм» (в несколько расширенном смысле) или, лучше, как «объективизм»; содержание этой позиции раскрывается в противостоянии с позицией «идеализма».

Задача нашей статьи – реконструировать аргумент Малли, призванный опровергнуть «идеализм» и дополнительно раскрыть эпистемологические предпосылки тех философских исследований, которые проводились в школе А. Мейнонга. Наша реконструкция будет осуществлена в три этапа: 1) предварительно мы укажем на те основания, по которым в рамках мейнонгианской теории предметов возник аргумент Малли, 2) затем мы воспроизведем сам аргумент и покажем некоторые следствия из него для теории предметов, 3) наконец, мы оценим этот аргумент в его значении для исследований, проводимых как самим Малли, так и его учителем Мейнонгом.

1. Особой гордостью и отличительным знаком для представителей философской школы Мейнонга была так называемая теория предметов, универсальная априорная дисциплина, которая должна была играть роль новой «первой философии». Новизна (даже своего рода «необыкновенность» и «радикальность») этой дисциплины неоднократно подчеркивалась как Мейнонгом, так и Малли. Для представителей философской школы Граца было принципиально важным показать отличие «теории предметов» от всех других известных философских наук. Правда, особенность той исторической ситуации, в которой развивалась теория предметов, заключалась в том, что фило-

софы, работавшие до Первой мировой войны, свои исследования проводили на основании предварительных «психологических исследований того, что актуально дается в опыте» [2. С. 185]. Сам Мейнонг, например, рассуждая о характерном признаке философских наук, указывал, что философскими эти науки делает особый интерес к внутренним переживаниям; более того, «всякая попытка практически осуществить отказ от психического в производимом философом научном исследовании, убеждает ... во внутренней неестественности такого начинания, поскольку пытаются разделить то, что по природе взаимосвязано» [3. С. 101]. При этом Мейнонг прекрасно понимал, что «тот, кто видит связь философских наук во внутренних переживаниях, придает психологии скорее слишком большое, чем слишком малое значение» [3. С. 138]. Для философов из Граца, тем самым, было важно продемонстрировать независимость теории предметов от психологии (или психологизированной теории познания): «Теория предметов включает в себя наряду с другими предметами также и психические, но в силу своей незаинтересованности бытием или небытием она принципиально не может строиться на психологии» [3. С. 101]. Дополнительную сложность таким усилиям по демаркации создавало то обстоятельство, что само понятие предмета представители школы Мейнонга не считали возможным определить классически, «через род и видовое отличие», поскольку «всё есть предмет» [3. С. 102]. То, что есть предмет, можно охарактеризовать только опосредованно, через указание на переживание, в котором предмет постигается: «Как понятие предмета в общем, *cum grano salis*, можно определить из постижения, так и главные классы предметов можно охарактеризовать исходя из главных классов постигающих переживаний, а постигающими являются все элементарные переживания» [3. С. 104]. Важно заметить, что исследование переживаний как соотнесенных со своими предметами — своего рода «обходной маневр», вынужденная мера; переживания нельзя рассматривать как сколь-нибудь конститутивные для предметов. Предмет есть то, что он есть, сам по себе, независимо от соответствующего ему психического акта или содержания сознания. Одно из важнейших положений теории предметов состоит в том, что предмет всегда есть «логически первое» по сравнению со своим переживанием, хотя темпорально он «следует» за переживанием. «Постижение никогда не может создать свой предмет, не может его просто модифицировать, оно, скорее, словно выбирает из многообразия пред-данного ... а «субъективность» каких-нибудь чувственных качеств говорит лишь о том, что этот выбор определяется устройством постигающего субъекта, а не постигаемой действительности. Говорить о чем-либо таком, что оно существует только «для меня» или «в моем представлении», неадекватно вплоть до бессмысленности: здесь (в сфере имманентного. — Д.М.) существует только постигающее переживание, а его предмет — вовсе нет, так что иначе ему можно будет приписать, самое большое, “псевдо-существование”» [3. С. 133].

Итак, сам способ исследования предполагает, что теория предметов не может не дополняться своего рода «теорией постижения предметов», от этого, однако, теория предметов, анализирующая предметы безотносительно к их существованию, не утрачивает свой принципиально априорный характер. И в связи с этим статья Малли оказывается еще одной попыткой пред-

ставителя школы Мейнонга показать, что «предмет по своей сущности не зависит от постижения, он один и тот же независимо от того, постигается он или нет» [1. С. 43]. Если теорию предметов оценить исходя из какой-то эпистемологической перспективы, то ее подход можно в расширенном смысле назвать «реализмом», или, учитывая то, что «независимыми от познания» провозглашаются все предметы, в том числе абстрактные (и даже «невозможные»), – «объективизмом». Такой «объективизм» теории предметов противопоставлен своего рода «субъективизму» той эпистемологической позиции, которую представители школы Мейнонга называли «идеализмом». «Идеализм» с точки зрения Мейнонга и Малли оказывались такие подходы, в которых господствовало «предубеждение в пользу имманентного», в которых приобретаемая в познавательном процессе возможность «трансцендировать за пределы самого себя» интерпретировалась как специфическое достижение познающего сознания, всегда пребывающего «у самого себя».

Безусловными и очевидными противниками философов из Граца были те, кто исходил из тезиса «Нет объекта без субъекта» (именно это положение отстаивал, например, Зигварт в своей «Логике»). Заметим, что в своей статье Малли не указывает на какой-то конкретный, исторически данный идеализм (так что используемые в заглавии и основном тексте нашей статьи кавычки при термине «идеализм» указывают именно на эту неопределенность), однако под понятие «теоретико-познавательного идеализма» подпадает, например, так называемая имманентная философия (Шуппе, Шуберт-Зольдерн, Ремке). В частности, Шуппе в «Теоретико-познавательной логике» выставляет тезис, прямо противоположный тезису о независимости предмета от мышления: «Стремление мыслить объект <существующим> сам по себе представляет собою хорошо известное *contradictio in se*, состоящее в желании мыслить что-нибудь, не мысля при этом» [4. С. 145]. Иначе тезис Шуппе можно представить так: «Мысль о некоем предмете, существующем вне сознания, есть бессмыслица, опровергающая самое себя, так как в ней заключается требование в одно и то же время мыслить и предполагать вне мышления какую-нибудь вещь, стало быть не мыслить ее» [5. С. 19]. Заметим во избежание недоразумений, что в статье Малли не опровергается специально теория познания Шуппе или других представителей имманентной философии, но именно позиция «философов-имманентистов» оказывается строго противоположной позиции Малли и Мейнонга.

Перед тем как перейти к самому аргументу Малли, сделаем еще одно замечание. Несколько «спекулятивно» аргумент Малли можно интерпретировать и как «радикальное» выражение той борьбы, которую логика (в форме теории предметов) вела за независимость от психологизированной теории познания. Дело в том, что для учеников Brentano, и для Мейнонга в частности, сама философия Brentano все еще не была свободна от «предубеждения в пользу имманентного», в силу хотя бы того, что в ней внутреннему восприятию отдавалось безусловное предпочтение в сравнении с внешним восприятием. Мейнонг избавляется от этого предрассудка (и, например, стирает грань между внутренним и внешним восприятием), но все еще считает возможным обосновывать свои тезисы отсылкой к внутреннему опыту. Малли же предлагает подход, который не основывается на внутреннем опыте

(от человека к человеку опыт, в том числе и внутренний, может изменяться, усмотренное одним может быть упущено другим), а предполагает лишь наличие «логических интуиций» и умения следить за ходом доказательства. Теоретико-познавательные вопросы Малли предлагает решать средствами одной только логики (для него это логические процедуры, представленные в 1 томе *Principia mathematica*).

2. Аргумент Э. Малли сложен и включает в себя несколько шагов. Ключевой элемент этого аргумента — демонстрация того, что предложение, в котором выражалась бы отнесенность мышления к самому себе (например, «мышление постигает самое себя»), лишено смысла. Последовательный анализ тезисов «теоретико-познавательного идеализма» и доказательство их некорректности в каждом случае предполагает невозможность говорить об отнесенности мышления к самому себе.

Итак, первый шаг в аргументе Малли — анализ вопроса «Может ли мышление постигать самое себя?»; задача — показать, что этот вопрос не имеет смысла, как утвердительный, так и отрицательный ответ на него одинаково бессмысленны [1. С. 38]. Предположим, в целях доказательства, что предложение вида «Мышление D направлено на самое себя» (или «D направлено на D») имеет смысл. В таком случае контраридикторное ему предложение «D не направлено на D» также будет иметь смысл. Значит, вполне возможна мысль G, которую мы можем выразить через предложение «мысль, не направленная на саму себя» (или «D, на которое не направлено D»). Если G — возможная мысль, то в отношении к ней можно сформулировать вопрос вида «А будет ли она направлена на саму себя?». И если на этот вопрос мы ответим утвердительно: «Да, G направлена на G», то мы получим предложение, эквивалентное предложению вида «G есть такая мысль, которая мыслится в G», но в G мыслится как раз мышление, которое не направлено на самое себя. И мы получаем, что если G направлена на саму себя, то она не направлена на саму себя. С другой стороны, если на заданный вопрос мы ответим отрицательно, «Нет, G не направлена на G», то G окажется некоторой мыслью, D, которая не направлена на саму себя, но именно эта мысль мыслится в G, и G будет тогда направлена на саму себя. Мы получаем, что если G не направлена на саму себя, то она направлена на саму себя. Объединяя оба случая, мы приходим к общему выводу, что G направлена на саму себя, если и только если G не направлена на саму себя; мы получаем противоречие, которое возникает потому, что мы посчитали предложение «мышление направлено на самое себя» наделенным смыслом. Напротив, мы должны считать, что предложение вида: «Мысль постигает саму себя» лишено смысла, и не имеет смысла вопрос «Может ли мышление постигать самое себя?».

Вторым шагом в аргументе Малли становится анализ одного из тезисов «теоретико-познавательного идеализма», а именно, что понятие предмета тождественно понятию «постигнутого мышлением как мышлением постигнутого» (иначе говоря, предмет не может мыслиться иначе, как коррелят мысли, в сущность предмета встроено указание на помысленность этого предмета мыслью) [1. С. 39–43]. Анализ этого тезиса проводится в два этапа: сначала разбирается тезис о том, что мысль направлена на свой предмет как на постигнутый именно этой

мыслью, затем разбирается тезис о том, что мысль направлена на свой предмет как на постигнутый какой-то другой мыслью.

Допустим, что верен тезис «D направлена на свой предмет как на постигнутый посредством D». В таком случае D наряду со своим предметом будет постигать саму D. Простой пример прояснит ситуацию. Предположим, я думаю об отце Александра Македонского. Мысль, которая выражается как «отец Александра Македонского», своим прямым предметом имеет Филиппа Македонского, но для моей мысли характерно то, что в ней я мыслю Филиппа Македонского как отца Александра. Значит, в этой моей мысли заодно мыслится и сам Александр Македонский. Точно так же, если предмет мысли D мыслится как постигнутый посредством D, то само D должно как-то мыслиться в D. Но если мы попытаемся сказать, что в мысли D мыслится само D, то мы столкнемся с той парадоксальной ситуацией, которая была разобрана выше. Значит, предложение вида «Мысль постигает свой предмет как постигнутый посредством нее», предполагает и включает в себя предложение вида «Мысль направлена на саму себя». Поскольку последнее предложение бессмысленно, первое предложение, по крайней мере, не может быть истинным. Согласно Малли, оно ложно и верно его отрицание: мысль направлена на свой предмет безотносительно к его постигнутости этой мыслью.

Теперь допустим, что мысль D направлена на свой предмет как на постигнутый посредством какой-то другой мысли E. Тогда само E также будет постигаться мыслью D. Какой E будет постигаться в D? Если верен тезис «идеализма», то E, как и любой предмет D, будет постигаться как постигнутое. Чем постигнутое? Если самой D, то мы получаем невозможную ситуацию, а если какой-то другой мыслью, скажем F, то далее мы можем перейти к самой F и задаться в отношении к ней теми же вопросами, которыми мы задавались в отношении к E. И если мы будем всякий раз опосредовать постижение одних мыслей какими-то другими мыслями, то мы получим бесконечную последовательность из соотнесенных мыслей, каждая из которых будет указывать на другую, а все вместе они сделают процесс мышления невозможным.

Объединяя оба рассуждения, мы приходим к выводу, что если предмет есть то же самое, что и «постигнутое мыслью как этой (или другой) мыслью постигнутое», то само отношение мысли к предмету становится невозможным, а мышление обесмысливается.

Третий шаг в аргументе Малли – анализ вопроса о том, постижим ли каждый предмет [1. С. 47–48]. Кажется, что на вопрос о постижимости каждого предмета можно легко ответить утвердительно, так как сам вопрос ведет к такому ответу: в самом вопросе обсуждается каждый предмет, а это было бы бессмысленным, если бы в вопрошании уже не был постигнут каждый предмет – разумеется, только под этим общим понятием «предмета». Но, полагает Малли, вопрос, который претендует на то, что в нем уже постигнут каждый предмет (как постигнутый), аномален: такой вопрос предполагает отнесенность к тому мышлению, которым мыслится вопрос, и если в этом мышлении каждый предмет понимается как помысленный этим мышлением, то возникает невозможная ситуация с отнесенностью мышления к самому себе. Чтобы избежать такой ситуации, надо ограничить вопрос определенной

областью предметов (например, «Постижимы ли такие-то и такие-то предметы?»). В целом, не имеет смысла что-то утверждать о «каждом предмете» или «обо всех предметах», если само утверждение оказывается предметом.

Четвертый, и заключительный, шаг в аргументе Малли – анализ тезиса о том, бытие тождественно бытию постигнутым [1. С. 49–52]. Если верен об-суждаемый тезис, то предложение «А существует» эквивалентно предложению «А постигнуто». Предложение «А постигнуто» в своей неопределенности означает то же, что и предложение «А постигнуто одной из всех возможных мыслей», а поскольку выраженная в последнем предложении мысль сама есть одна из всех возможных мыслей и в ней постигается А, то предложение «А постигнуто», как эквивалентное «А существует», заключает в себе предположение об отнесенности мышления к самому себе, которое бессмысленно. Если мы рассмотрим теперь предложение, в котором отрицается бытие, то мы еще яснее увидим невозможность разбираемого тезиса. Итак, пусть «А не существует» эквивалентно «А не постигнуто»; но последнее предложение в своей всеобщности лишено смысла, поскольку «А, которое не постигнуто», все же постигнуто посредством самой этой мысли, если предполагается, что эта мысль понятна.

Более серьезным возражением против отождествления бытия и бытия постигнутым оказывается следующее рассуждение Малли. Для начала устанавливается, что выражение «х есть (некоторое) у» эквивалентно выражению «имеет место (или факт) то, что х есть (некоторое) у». Если верен разбираемый тезис, то «просто» бытие – это бытие постигнутым, а бытие фактичным – это особый способ бытия постигнутым, это бытие познанным (поскольку, как правило, действительность связывается с познанным положением дел). Образует предложение «Это факт, что “А существует” означает то же, что и “А постигнуто”»; в силу разбираемого тезиса образованное нами предложение будет эквивалентно «Познано то, что “А существует” означает то же, что и “А постигнуто”», а это предложение эквивалентно «Имеется знание того, что...». Если «быть фактичным» (или «иметься») – это «быть познанным», то последнее предложение эквивалентно предложению «Знание того, что... познано», которое, опять же, эквивалентно «Имеется знание знания того, что...», а это последнее эквивалентно «Знание знания того, что... познано», и так далее до бесконечности. Тем самым не получается уяснить смысл разбираемого тезиса.

Общим выводом из этого рассуждения будет то, что в случае отождествления бытия и бытия постигнутым не удастся понять ни одно из утверждений о бытии. Заметим, что если предложение вида «А существует» получает свой независимый смысл, то возникающая на основе этого предложения последовательность утверждений о действительности («Это факт, что А существует», «Это факт, что это факт, что А существует» и так далее) не лишает нас возможности уяснить смысл утверждения о существовании.

Заметим, в качестве обобщения, что последовательное опровержение тезисов «идеализма» своим положительным следствием имеет то, что оправдываются эпистемологические тезисы, из которых исходит теория предметов. Выясняется, что если предложение имеет смысл (т.е. истинно или ложно), то оно имеет смысл независимо от того, насколько оно постигнуто людьми.

Предложение (или его отрицание) верно для предмета «самого по себе», а не поскольку предмет помыслен или постигнут. Если наши суждения делаются о предметах «самих по себе», а не о предметах, как помысленных нами, то утрачивает всякий смысл логическая теория, которая пытается определить условия истинности суждений на основании исследования природы мышления. Природа нашего мышления такова, что мышление обретает смысл только если предмет по своей сути не зависит от нашего мышления [1. С. 46–47].

3. Попробуем теперь оценить значение аргумента Малли для исследований, проводимых в школе Мейнонга. Для понимания творчества самого Малли статья 1914 года имеет далеко не последнее значение. Иоганн Мокре, сначала ученик, затем сотрудник Малли, полагал, что в статье «О независимости предметов от мышления» содержится своего рода эпистемологическая программа всей философской школы Граца: эта программа реализуется в разных типах философских исследований [6. С. 16–18]. В работе 1912 года «Теоретико-предметные основы логики и логистики» Малли разрабатывал логику предметов в противоположность логике мышления: логика (понятая через теорию предметов) показывает, что условиями правильного мышления выступают законы самих положений дел. При этом Малли прекрасно понимал, что к положениям дел мы можем быть отнесены по-разному: либо «интеллектуально», когда мы пытаемся их постигнуть, либо «волеустремительно», когда мы пытаемся их оформить. И если мы называем правильное мышление, когда оно достигает своей цели, «постигает» факты, то также мы называем правильное волеустремление, когда оно достигает своей цели, а именно, осуществляет желаемое положение дел. И если в области логики правильность определяют законы положений дел, то в области этики правильность определяется закономерностями долженствования. В работах по деонтической логике Малли изначально исходил из того, что мы можем исследовать аксиоматические законы долженствования. В области этики и деонтики мы также находим учения, которые по своей роли аналогичны для Малли «теоретико-познавательному идеализму»: такие учения, в которых утверждается, что волеустремление конституирует долженствование (иначе, что «Я хочу» порождает «Я должен»). «Субъективизму» этих подходов противопоставлен «объективизм» подхода Малли.

Алексиус Мейнонг постепенно открывал для себя важность статьи Малли. В работе 1915 года «О возможности и вероятности» Мейнонг упоминает ее как похвальную попытку «раскрыть «независимость предметов от мышления» через исследование, которое «в представлении решающих доказательств» предполагает «только логические интуиции»» [7. С. 472]. А вот в работе 1917 года «Об эмоциональной презентации» он уже со всей серьезностью анализирует ключевое рассуждение Малли об отнесенности мышления к самому себе. Это рассуждение Мейнонг обозначает как «парадокс Малли», и такой парадокс оказывается серьезным вызовом для теоретико-предметного учения о ценностях (поскольку это учение основывается на исследовании особенностей эмоциональной само-презентации человека). Парадокс, однако, согласно Мейнонгу, грозит и более серьезными последствиями: «Даже такие общие места, всем известные утверждения, как то, что каждое суждение имеет предмет или что каждое суждение утвердительно или отри-

цательно по своему “качеству”, и так далее, несовместимы с соответствующим тезисом <Малли>. Ибо никто не будет считать, что то, что утверждается о суждениях в общем, не утверждается о соответствующем утверждающем суждении. Впечатление, что в таких случаях сталкиваются с чем-то “бессмысленным”, в каком бы смысле эти слова не понимались, не согласуется с прямым опытом» [8. С. 295]. То, как Мейнонг анализирует «парадокс Малли», и то, каким способом он избавляется от него, к сожалению, не может быть рассмотрено в этой нашей статье. Заметим только, что парадокс самоотнесенности мышления Мейнонг решает путем включения в теорию новых «аномальных» предметов – так называемых дефективных предметов. Само решение Мейнонга, как и «парадокс Малли», становятся предметом обсуждения и споров современных логиков (см., напр., [9. С. 37–55]) и, безусловно, заслуживают отдельного изучения за рамками историко-философской статьи.

Литература

1. Mally E. Über die Unabhängigkeit der Gegenstände vom Denken // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, 1914. Band CLV. S. 37–52.
2. Poli R. Object and Measurement in Mally's Untersuchungen // Axiomathes, 1996. № 1–2. P. 172–186.
3. Meinong A. A. Meinong [Selbstdarstellung] // Die deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. Band I. Leipzig: Felix Meiner, 1921. S. 91–150.
4. Schuppe W. Erkenntnistheoretische Logik. Bonn: Eduard Weber, 1878.
5. Вундт В. О наивном и критическом реализме: Имманентная философия и эмпириокритицизм. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
6. Mokre J. Gegenstandstheorie – Logik – Deontik // Mally E. Logische Schriften. Dordrecht: D. Reidel, 1971. S. 16–20.
7. Meinong A. Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit. Leipzig: J.A. Barth, 1915.
8. Meinong A. Über emotionale Präsentation // Alexius Meinong Gesamtausgabe. Band III. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1968.
9. Jacqueline D. Meinongian Logic: The Semantics of Existence and Nonexistence. Berlin: de Gruyter, 1996.

Mironov Dmitry G. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

DOI: 10.17223/1998863X/34/35

ERNST MALLY'S REFUTATION OF “IDEALISM”

Keywords: Ernst Mally, Alexius Meinong, idealism, theory of objects, epistemology

Our article centers on Ernst Mally's argument, which aims to refute “epistemological idealism” in several steps. The crucial element of Mally's argument is a paradox, that emerge in those cases, when we try to say that our thinking apprehends itself. This paradox of self-referential thinking plays for Mally crucial role in the refutation of the theses of “epistemological idealism”. The first refutable “idealistic” thesis consists in saying that “object” means the same, as “that, which is conceived as conceived”. The second refutable “idealistic” thesis consists in saying that every object is apprehendable. The third refutable “idealistic” thesis consists in saying that being is the same as being apprehended. “Epistemological idealism” under consideration is not identified by Mally with any kind of concrete historically given idealism (hence our employment of quotation marks in using term “idealism”). However, the so called “immanent philosophy” (Schuppe, Schubert-Soldern, Rehmke) perfectly falls under this concept, just because of its proceeding from the senselessness of any attempt to think about an object as independent from (this) thinking. As a positive consequence, Mally's argument demonstrates that epistemological position, presupposed by the meinongian “theory of objects” (so called “objectivism” (or “realism” in a loose sense)), is justified: “An object is what it is whether it is apprehended or not”. Mally's argument, according to its intention, must show that object-theoretical studies, carried out in the school of A. Meinong, are devoid of even a grain of psychologism, despite the fact that the “theory of objects” is not possible without a “theory of apprehending of objects”. Furthermore,

rather speculative Mally's argument may be assessed as a "radical" expression of the struggle that the logic (in a form of the theory of objects) led for independence from psychologized epistemology. Mally's argument plays an important role in our understanding of the characteristic features of philosophical investigations in the school of A. Meinong. Meinong himself appreciate the paradox of self-referential thinking, exposed by Mally, as a threat for his own investigations. Meinong's theory of "defective objects" emerges precisely as a response to the paradox, exposed by Mally. Both the "Mally's paradox" and the Meinong's response to it become the points of issue for modern logicians.

References

1. Mally, E. (1914) Über die Unabhängigkeit der Gegenstände vom Denken [About the independence of objects from thought]. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. CLV. pp. 37–52.
2. Poli, R. (1996) Object and Measurement in Mally's Untersuchungen. *Axiomathes*. 1–2. pp. 172–186.
3. Meinong, A. (1921) A. Meinong. In: Schmidt, R. (ed.) *Die deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen* [The German philosophy of Presence in Self-Representations]. Vol. 1. Leipzig: Felix Meiner. pp. 91–150.
4. Schuppe, W. (1878) *Erkenntnistheoretische Logik* [Epistemological Logic]. Bonn: Eduard Weber.
5. Wundt, V. (2011) *O naivnom i kriticheskom realizme: Immanentnaya filosofiya i empiriokrititsizm* [On naive and critical realism: The inherent philosophy and empiric criticism]. Translated from German by A. Voden. Moscow: LIBROKOM.
6. Mokre, J. (1971) Gegenstandstheorie – Logik – Deontik [Subject theory – Logic – Deontik]. In: Mally, E. *Logische Schriften* [Logical Writings]. Dordrecht: D. Reidel. pp. 16–20.
7. Meinong, A. (1915) *Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit* [About Possibility and Probability]. Leipzig: J.A. Barth.
8. Meinong, A. (1968) *Über emotionale Präsentation* [About emotional presentation]. Vol. 3. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt.
9. Jacquette, D. (1996) *Meinongian Logic: The Semantics of Existence and Nonexistence*. Berlin: de Gruyter.